

21.03.2017: ПРОИГРАННАЯ БИТВА ЗА МАННЕРГЕЙМА

После того, как в середине октября прошлого года со здания Военного института (инженерно-технического) сняли доску Маннергейма наступило долгожданное затишье. Не было больше объекта, который до этого обливали краской и кислотой, просверливали в нем отверстия, как будто это были пули, пытались разрубить топором. Но многие в Петербурге ждали дальнейшего развития событий. И они последовали.

Писателю Даниилу Гранину стало это известно раньше других. Зная, что я занимаюсь историей блокады и боев под Ленинградом, он посоветовал мне ознакомиться со статьей «Линии Маннергейма», опубликованной 26 октября в «Российской газете». Написал статью министр культуры Владимир Мединский, непосредственно участвовавший в установке доски финскому маршалу Маннергейму летом прошлого года. Гранина интересовало мое мнение на этот счет. Договорились, что по прочтении я проинформирую его по телефону. А потом появилась мысль попробовать написать об этом. Вот что получилось.

В 2009 году в сборнике «Битва за Ленинград. Дискуссионные проблемы»¹ была опубликована статья «Ленинградская блокада. Цели Германии и Финляндии». Авторы, финские историки Мауно Ёкипи и Охто Маннинен, уделили в ней большое внимание наступлению финских войск на Ленинград и дали оценку действиям главнокомандующего, маршала Густава Карла Маннергейма.

Летом 2016 года имя финского маршала вновь зазвучало, когда глава администрации Президента России Сергей Иванов и министр культуры Владимир Мединский установили доску с его именем на здании бывших кавалергардских казарм на Захарьевской улице. Там сейчас находится Военный институт (инженерно-технический). После этого начались бурные дискуссии на телевидении и радио, а затем последовали провокации. Доску несколько раз обливали краской и кислотой, просверливали в ней отверстия,

¹ *Битва за Ленинград. Дискуссионные проблемы, «Европейский Дом», СПб, 2009*

В тексте отражена личная позиция автора; сохранены особенности его стиля и письма.

как будто это были пули, пытались разрубить топором. Действовали молодые люди, которые не скрывали, что относятся к националистическим организациям большевистского толка. Для них Маннергейм однозначно был не просто союзником Гитлера по Второй мировой войне, но и виновником ленинградской блокады. Возразить им было невозможно, потому что фактически так оно и было. Нюансов: почему и как финские войска принимали участие в войне под Ленинградом, эти люди не признавали и все больше нагнетали обстановку. По телевидению велись жаркие дебаты, к освещению событий подключились уже и центральные газеты. История с Маннергейм вышла из-под контроля, о ней заговорили на общероссийском уровне.

В конце концов, власти приняли разумное решение: не стали доводить конфликт до взрыва и перенесли доску в музей Первой мировой войны, установив ее на здании бывшей Ратной палаты в Пушкине. Видимо,

организаторы неудачной акции наконец-то осознали, что в восприятии жителей Санкт-Петербурга Маннергейм является, в первую очередь, не российским офицером дореволюционного периода, как написано на доске, а финским маршалом, союзником Гитлера по Второй мировой войне. При всем желании сторонники Маннергейма не в состоянии были отрицать факт блокады Ленинграда финскими войсками с северного направления. В нашем городе блокаду до сих пор хорошо помнят, бережно передают из поколения в поколение рассказы о том, как его защищали отцы и деды и как им помогали мирные жители, каким лишениям они при этом подвергались.

Возможно, акция Иванова и Мединского не имела бы такого провала в случае длительной разъяснительной работы с учетом сегодняшних публикаций, обнародования документов о действиях финских войск летом и осенью 1941 года под Ленинградом. Как чаще всего бывает, власти надеялись на то, что все само собою образуется, и общественность послушно отреагирует на их действия. Не получилось. Времена изменились.

Организаторы установки памятной доски явно не осознали, что история советско-финских военных отношений и самого Маннергейма - тема чрезвычайно сложная и деликатная. Здесь все как на чаше весов. С одной стороны, нельзя забывать, что финские войска угрожали Ленинграду до лета 1944 года, с другой стороны, боевых действий финны по существу не вели и город не обстреливали. Опять же, с одной стороны, они вели освободительную борьбу и отвоевали свою территорию на Карельском перешейке, с другой стороны, отличались жестокостью в обращении с советскими военнопленными. У разных людей различное мнение на этот счет, и неизвестно, что здесь перевешивает. Оттого и страсти вскипели нешуточные.

Позиция самого Маннергейма в войну также вызывает неоднозначное восприятие. Если вопрос поставить прямо: хотел ли Маннергейм капитуляции города на Неве, то ответ должен быть таким: «Да, хотел». Но советского, или, как он выражался, большевистского, Ленинграда. Однако Маннергейм совсем не желал полного разрушения города, как этого жаждал Гитлер. Он намеревался возродить былой, дореволюционный Санкт-Петербург путем ликвидации советского режима. Петербург, а с 1914 года – Петроград, был городом его славной молодости, того времени, когда он достойно служил в нем офицером царской армии. Но, даже мечтая о возвращении прежнего облика города, Маннергейм не намеревался захватывать его своими руками. Ленинград он собирался покорить с помощью чужих войск, хотел, чтобы это сделали немцы.

На эту особенность министр культуры и историк по образованию Мединский почему-то это не обратил внимания. Более того, он ее как раз отрицает. В статье, опубликованной в «Российской газете»², он так и пишет: «Маннергейм отказался пропустить немцев для удара по городу с севера». По существу повторяет мнение писателя Даниила Гранина. До недавнего времени я тоже был солидарен с автором «Блокадной книги». Пока не обнаружили новые данные. Даниилу Гранину возразили финские авторы упомянутой выше статьи о ленинградской блокаде. Они описывают, как это происходило на самом деле. По их данным, Маннергейм и его генералитет как раз были заинтересованы в том, чтобы немецкие войска окружили Ленинград со всех сторон. Они пишут, что «31 августа Маннергейм со своей стороны предложил немцам самим перебросить 163-ю пехотную дивизию генерала Энгельбрехта на Карельский перешеек и организовать ее техническое обеспечение через Финляндию»³. В данный момент эта дивизия совместно с финнами вела боевые действия северо-восточнее Ладожского озера. Буквально на следующий день Маннергейм отказался от этой идеи. Подсчеты офицеров его штаба свидетельствовали, что «переброска 163-й пехотной дивизии на дорогу Выборг – Ленинград займёт много времени, её артиллерия связана участием в боевых операциях, к тому же возникнут значительные трудности с её снабжением»⁴. Обратим внимание на то, что, передислокации немецкой дивизии препятствовали вовсе не политические причины, а чисто практические обстоятельства.

Финские авторы приводят еще один довод, который игнорирует Мединский в своей статье. По их данным, в финском генеральном штабе полагали «крайне желательным, чтобы немецкие войска как можно скорее

² «Российская газета». 26.10.2016.

³ Битва за Ленинград. Дискуссионные проблемы, «Европейский Дом». - СПб, 2009. С. 76.

⁴ Там же. С. 77.

продвинулись бы к Ленинграду также с северной стороны⁵». По мере наступления немецких войск на Ленинград с юга среди финского командования усиливались опасения, что население города будет стремиться вырваться из окружения через финский фронт на Карельском перешейке. В этом есть логика. Многие ленинградцы помнили, что до 1917 года это была российская территория, где отношения с финнами оставались хорошими. Голодные ленинградцы, вырвавшиеся из города, создавали бы только дополнительные сложности финнам.

18 сентября 1941 года Маннергейм вновь подтвердил свое нежелание участвовать в захвате Ленинграда. Он заявил начальнику гитлеровской разведки адмиралу Канарису, что по-прежнему рассчитывает на форсирование Невы немецкими войсками: «Надеюсь все еще, что немцы форсируют в назначенное время Неву и вклинятся между нами и русскими»⁶.

Маннергейм был не только опытным военачальником, но и тонким политиком. Ему совсем не хотелось воевать со странами антигитлеровской коалиции. В первую очередь, это касалось Великобритании и США. Именно поэтому он желал, чтобы немцы окружили Ленинград не только с юга, но и с севера. То есть, чтобы блокада была со всех сторон немецкой, а результатом ее явилась бы капитуляция советского Ленинграда. Подтверждением этому служит высказывание Маннергейма 21 мая 1942 года в беседе с послом Грипенбергом: «Русские никогда не забудут, если финны будут участвовать в наступлении на Ленинград».

Как известно, немецких войск на Карельском перешейке не было. Но не потому, что этого не хотел Маннергейм, а из-за того, что советские войска не допустили форсирования Невы в сентябре 1941 года 39-м немецким корпусом, который планировал выйти к северо-восточным предместьям Ленинграда. Помог в этом созданный в ночь с 19 на 20 сентября плацдарм на левом берегу Невы, вошедший в историю как легендарный Невский пятачок.

Два с половиной года на Карельском перешейке севернее Ленинграда продолжалась странная война, почти без выстрелов. По словам участника тех боев полковника Юрия Басистова, Жданов возмущался тем, что финские и русские солдаты одновременно стирали портянки в реке Сестре, по которой проходила линия фронта. Он называл это «окопным кретинизмом», а, по мнению солдат, на двух противоположных берегах, это было разумным перемирием.

После капитуляции Финляндии в сентябре 1944 года Маннергейм повернул оружие против Гитлера. Из Финляндии в Балтику наконец-то вышли советские подводные лодки, минуя заминированный немцами Главный

⁵ Там же. С 80.

^{6,7} Там же. С. 91.

фарватер. По существу, Маннергейм помог ускорить разгром гитлеровской Германии, открыв Балтийскому флоту возможность в полном объеме действовать на морском стратегическом направлении.

Возможно, эти сведения, почерпнутые из финской статьи и новых исторических разработок, помогли бы авторам неудавшейся акции, планомерно вести разъяснительную работу, привлекая средства массовой информации, общественные структуры и активизируя в этом направлении деятельность городских властей. Но на это требовалось время, притом достаточно продолжительное, чтобы новые сведения о действиях финских войск и самого Маннергейма нашли отражение в телевизионных передачах, музейных экспозициях и на уроках истории в школах города. Авторитетного мнения почетных граждан Петербурга – писателя Даниила Гранина и директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, поддержавших акцию в пользу Маннергейма, оказалось совсем недостаточно.

Какое у меня отношение к финскому фельдмаршалу? Такое же, как у первых лиц нашего государства. Не потому, что я их апологет. Просто знаю больше, чем в учебниках истории. Как известно, Путин и Медведев, будучи президентами России, возложили в 2001 и 2009 годах цветы на могилу финского лидера. В 2013 году то же самое сделал министр обороны России генерал армии Сергей Шойгу. Почему они это сделали? Думаю, в первую очередь, потому что в Финляндии Маннергейм оценивается, как самая выдающаяся личность в истории финского народа. В ходе официальных визитов с протокольными возложениями венков это приходится учитывать. Или же отказываться от подобных визитов. Дилеммы здесь нет. Российские лидеры выбрали самый правильный вариант, направленный на укрепление отношений с Финляндией.

Из истории известно, что к финскому президенту с должным уважением относились руководители европейских стран и США. Сталин, признавал международный авторитет Маннергейма и по достоинству оценивал его человеческие качества. Он не стал требовать от маршала советизации Финляндии, позволил ей сохранить свою независимость.

Мне могут сказать, зачем я даю советы тем, кто, по долгу службы все это должен знать намного лучше меня. Думаю, имею право на такое суждение, хотя бы потому, что когда-то вел длительную разъяснительную работу в пользу будущего немецкого солдатского кладбища в Сологубовке под Мгой. Это

не одна небольшая доска, как в случае с Маннергеймом, а территория, где похоронено свыше 65 тысяч немецких военнослужащих, блокировавших наш город и желавших захвата Ленинграда. Удалось сформировать мнение среди различных категорий населения, что немецкие солдаты-оккупанты - тоже жертвы войны. Такая разъяснительная работа проводилась центром «Примирение» в период с 1992 по 1998 годы, после чего немецкое солдатское кладбище было прилюдно открыто. Уже скоро двадцать лет, как оно существует без всяких надругательств, являясь не только местом скорби, но и символизируя стремление к миру над могилами павших.

То, что произошло с доской Маннергейма, наглядно характеризует современные отношения между отдельными представителями российской власти и общественностью. Когда власть игнорирует необходимость предварительной разъяснительной работы, не уважает мнение людей, то реакция обычно бывает адекватной, притом нередко грубой по форме. Именно так случилось в истории, которую можно было бы назвать «Проигранной битвой за Маннергейма». Надеюсь, что из нее был извлечен соответствующий урок.

*Юрий Лебедев (3-76)
Санкт-Петербург, ноябрь 2016,
дополнено в марте 1917 год*